

АСТРИД
ЛИНДГРЕН

РАСМУС БРОДЯГА

M. Machaon

Оглавление

[Расмус-бродяга](#)

[Выходные сведения](#)

[Глава первая](#)

[Глава вторая](#)

[Глава третья](#)

[Глава четвёртая](#)

[Глава пятая](#)

[Глава шестая](#)

[Глава седьмая](#)

[Глава восьмая](#)

[Глава девятая](#)

[Глава десятая](#)

[Глава одиннадцатая](#)

[Глава двенадцатая](#)

[Глава тринадцатая](#)

[Глава четырнадцатая](#)

АСТРИД
ЛИНДГРЕН

РАСМУС- БРОДЯГА

Повесть

Перевод со шведского

Н.К. Беляковой

Иллюстрации

Ксения Шафрановская

Москва
«Махаон»
2015

ASTRID LINDGREN

Rasmus på Luffen

*First published by Rabén & Sjögren Bokförlag,
Stockholm*

1956

Линдгрэн А.

Расмус-бродяга : повесть / Астрид Линдгрэн ; пер. со швед. Е. Милёхиной, О. Шарковой. — М.:

ISBN 978-5-389-1009-2

12+

Астрид Линдгрэн — знаменитая шведская детская писательница. Повесть «Расмус-бродяга» Международным советом детской книги во Флоренции была отмечена медалью Х. К. Андерсена.

В повести рассказывается о событиях, решивших судьбу девятилетнего Расмуса, круглого сироты. Не желая больше мириться со своей жизнью в приюте, Расмус убегает оттуда.

Во время скитаний Расмус знакомится с бродягой Оскаром. Бродяга и мальчик подружились. Вместе они переживают ряд опасных и необычайных приключений.

Rasmus på Luffen ©Text: Astrid Lindgren 1956/

Saltkråkan AB

© Белякова Н.К., перевод на русский язык, 2015

© Шафрановская К. Д., иллюстрации, 2015

© Оформление, издание на русском языке.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2015

Machaon ®

Глава первая

Расмус сидел на своём излюбленном месте, на сухой ветке липы, и думал о самых противных вещах. Хорошо, если бы их на свете не было вовсе. Первая из них – картошка! Нет, конечно, пусть картошка будет, но только варёная да ещё с соусом, который дают по воскресеньям. А той, что растёт с Божьего благословения на поле, которую нужно окучивать, лучше бы не было. Фрёкен Хёк¹ тоже лучше бы не было. Ведь это она сказала:

– Завтра мы будем окучивать картошку целый день.

Она сказала «мы», но это не значит, что фрёкен Хёк будет им помогать. Не тут-то было, это Расмусу, Гуннару, Петеру-Верзиле и другим мальчишкам придётся ползать по картофельному полю и надрываться весь долгий летний день. А деревенские ребята пойдут мимо на речку купаться! Несчастные задавалы! Между прочим, хорошо бы, их тоже не было!

Расмус задумался, что бы ещё такое отменить. Но тут ему помешал негромкий окрик снизу:

– Расмус! Прячься! Ястребиха идёт!

Это крикнул Гуннар, высунувшись из двери дровяного сарая. Расмусу пришлось поторапливаться. Он быстро соскользнул вниз, и, когда фрёкен Хёк появилась у сарая, на зелёной ветке его уже не было. И в этом ему

повезло, ведь фрёкен Хёк не нравилось, когда мальчики торчат на деревьях, как птицы, вместо того чтобы делать полезную работу.

- Надеюсь, ты берёшь только еловые дрова, Гуннар?

Фрёкен бросила строгий взгляд на поленья, которые Гуннар отложил в корзину.

- Да, фрёкен Хёк, - ответил Гуннар тоном, каким и положено отвечать фрёкен Хёк. Особым голосом приютского ребёнка, каким он говорит с директрисой или с пастором, который пришёл с инспекцией и спрашивает, нравится ли детям ухаживать за садом. Или когда приходят родители деревенских ребятшек и спрашивают, почему отлупили их сына, который кричал кому-то на школьном дворе: «Приходский босяк!» А приходскому надлежит отвечать таким вот голосом, покорным и вежливым, потому что так велят ему фрёкен Хёк, пастор и прочее начальство.

- Ты знаешь, где Расмус? - спросила фрёкен Хёк.

Расмус в страхе сильнее прижался к ветке, на которой висел, и молил Бога, чтобы фрёкен Хёк поскорее ушла. Ведь долго-то он так не выдержит, не хватало ещё, чтобы руки у него ослабели и он упал прямо к ногам фрёкен Хёк. Полосатая сине-белая рубашка (ах эта приютская рубашка) была видна издалека. Учительница в школе сказала, мол, птиц на деревьях так трудно разглядеть оттого, что Бог дал им защитную окраску. Но приютских мальчишек Господь обошёл, не дав им защитной окраски. Потому Расмус горячо молил Бога, чтобы фрёкен Хёк поскорее убралась отсюда, покуда он не задохнулся.

Совсем недавно она ругала его за то, что он самый большой грязнуля в приюте, и сейчас он об этом вспомнил. Ну, погоди! В следующий раз он ей ответит: «Просто я хочу получить защитную окраску».

Да, конечно, он может это только прошептать тихонечко, про себя. Такое не бросишь ей в лицо. У фрёкен Хёк строгие глаза, рот у неё тоже строгий, губы всегда крепко сжаты, а на лбу иногда появляется строгая морщинка. Гуннар уверяет, что у неё даже нос строгий. Но Расмус с ним не согласен, он считает, что нос у фрёкен Хёк очень даже красивый!

Хотя сейчас, когда он висел на дереве и не чувствовал онемевших рук, он не помнил, что в ней было красивого. А Гуннар, робко семенивший возле корзины с дровами под строгим взглядом фрёкен Хёк, не смел поднять глаз и не мог видеть, строгий у неё нос или нет. Ему был виден лишь кусок её жестко накрахмаленного передника.

- Тебе известно, где Расмус? - нетерпеливо повторила фрёкен Хёк, не услышав ответа на свой первый вопрос.

- Я только что видел его возле курятника, - сказал Гуннар.

И это была чистая правда. Полчаса назад Гуннар и Расмус искали яйца в зарослях крапивы, где иногда неслись глупые куры. Так что Гуннар не соврал. Но где он сейчас, Гуннар предпочёл не говорить.

- Если увидишь его, передай, что я велела ему нарвать корзину крапивы, - сказала фрёкен Хёк и резко повернулась на каблуках.

- Хорошо, фрёкен Хёк, - ответил Гуннар.

- Слышал, что она сказала? - спросил он, когда Расмус слез с липы. - Тебе велено нарвать корзину крапивы.

«Хорошо, кабы крапивы тоже не было», - подумал Расмус.

Всё долгое лето нужно было рвать крапиву для кур, им каждый день варили крапивную кашу.

- Неужто эти дурацкие птицы не могут сами клевать крапиву, которая растёт у них под носом?

- Нет, ни за что на свете! - ответил Гуннар. - Их нужно угощать. Пожалуйста! Кушать подано!

Он низко поклонился курице, которая неспешно шла, кудахтая, мимо.

Расмус никак не мог решить, нужны ли курицы на свете или нет, но под конец решил, что всё-таки нужны. Иначе приютские не получат по воскресному яйцу. А без воскресного яйца не узнаешь, что наступило воскресенье. Нет, пусть уж куры будут. Поэтому хочешь не хочешь, а надо идти рвать крапиву.

Расмус был не ленивее остальных девятилетних ребятшек. Просто он испытывал понятную для его возраста нелюбовь ко всему, что мешало ему лазить по деревьям, купаться в речке или играть в разбойников с мальчишками, прячась за картофельным погребом, и подкарауливать девчонок, которые ходят в погреб за картошкой. Он считал, что это самое подходящее занятие в летние каникулы. Фрёкен Хёк никак не могла с этим согласиться, и это тоже было вполне объяснимо. Вестерхагский приют жил не только за счёт городка, но и за счёт того, что торговал яйцами и овощами. Дети были дешёвой рабочей силой, и фрёкен Хёк вовсе не считала, что мучит их, хотя для Расмуса было сущим наказанием окучивать картошку целыми днями. Фрёкен Хёк понимала, что ему, как и всем сиротам, живущим в приюте, в тринадцать лет придётся самому зарабатывать на жизнь и поэтому надо вовремя научиться работать. Правда, она не могла понять, как важно даже приютским детям иметь возможность поиграть. Но этого от неё, верно, и нельзя было требовать, по натуре она никогда не была особенно «игривой».

Расмус послушно рвал крапиву возле курятника, время от времени повторяя:

- Лентяйки паршивые! Пожалуй, лучше бы вас всё-таки не было! Крапивы здесь тьма-тьмущая, так нет, вам этого мало! Я должен здесь батрачить на вас как негр!

Чем дальше он об этом думал, тем сильнее чувствовал себя негритянским рабом, и это было довольно приятно. В прошлой четверти школьная учительница читала им про американских рабов. Слушать, когда фрёкен читает книгу, было для него самым замечательным на свете. А интереснее этой книжки про негритянских рабов он ничего не слышал.

Он рвал крапиву и тихонечко стонал, воображая, как над ним свистит кнут надсмотрщика, а за кустами притаились ищейки, готовые вцепиться в него зубами, если он будет наполнять корзину недостаточно проворно. Ведь сейчас он не рвал крапиву, а собирал хлопок. Правда, большая рукавица, которую он надел, чтобы не жгла крапива, вряд ли пригодилась бы негру южных штатов, работающему под палящим солнцем, но без неё Расмусу обойтись было никак нельзя.

Расмус всё рвал и рвал крапиву. Но ведь и негритянскому рабу может иногда повезти. Возле кустов росло несколько высоченных крапивин. Расмус уже наполнил корзину доверху, но, чтобы подразнить ищеек, сорвал их. И тут он увидел в опилках что-то похожее на пятиэровую монетку. Сердце у него сильно заколотилось. Не может быть, что это пять эре! Такого не бывает. Но всё же он осторожно снял рукавицу и протянул руку, чтобы проверить, что там лежит.

И это в самом деле была денежка в пять эре! Хлопковое поле исчезло, ищейки испарились, бедный негритянский раб был сам не свой от счастья.

Ведь что можно было купить на пять эре? Большой кулёк карамелек, пять тянучек или плитку шоколада. Всё это можно было выбрать в деревенской лавке. Он может туда сбегать в обеденный перерыв, ну хотя бы завтра, а может, не нужно туда бежать, а сохранить эти пять эре и каждый день чувствовать себя богачом, зная, что может купить всё, что угодно.

Да, пусть себе куры будут на свете, и крапива пусть будет. Ведь без них этого бы не случилось. Он пожалел, что ещё совсем недавно ругал кур. Правда, они не очень-то расстраивались и продолжали клевать что попало во дворе, но всё же ему хотелось, чтобы они знали, что он, собственно говоря, ничего против них не имеет.

- Конечно, как же без вас на свете, - сказал он и подошёл к железной сетке, ограждающей куриный двор. - И я готов рвать для вас крапиву каждый день.

И тут случилось новое чудо: в курином дворе, у самых ног одной кудахтающей несущки, он увидел ракушку. Прямо на кучке куриного помёта красовалась красивая белая ракушка с маленькими коричневыми пятнышками.

- Ах! - воскликнул Расмус. - А-ах!

Он быстро снял крючок с калитки и, не обращая внимания на то, что куры испуганно закудахтали и бросились врассыпную, подбежал к ракушке и схватил её.

Теперь счастье его было так велико, что он не мог им не поделиться. Он просто был вынужден пойти и рассказать обо всём Гуннару. Бедный Гуннар, ведь всего час назад он был с ним возле курятника и не нашёл ни ракушки, ни пяти эре! Расмус задумался: а может, час назад там ещё не было ни раковины, ни монетки? Может, их кто-нибудь наколдовал, когда он начал рвать

крапиву? Может, сегодня для него просто какой-то волшебный день, когда случаются всякие чудеса?

- Пожалуй, нужно спросить у Гуннара, что он обо всём этом думает.

Расмус пустился было бежать, но, вспомнив про корзину с крапивой, вдруг остановился. Он вернулся к калитке и взял корзину и лишь тогда, крепко зажав в ладошке ракушку и монетку, побежал искать Гуннара.

Он нашёл его на площадке для игр. Там была целая куча детей, и Расмус сразу понял, что они чем-то взволнованы. Видать, что-то случилось, пока его здесь не было.

¹ Ястреб (шв.).

Расмусу не терпелось поскорее отозвать Гуннара и показать ему свои сокровища. Но у Гуннара были дела поважнее.

- Завтра мы не пойдём окучивать картошку, - сказал он задумчиво. - Приедут какие-то люди выбирать ребёнка.

После этой новости пять эре и ракушка тут же поблёкли. Теперь у кого-то из детей будет свой дом. Что может с этим сравниться? В Вестерхагском приюте не было ни одного ребёнка, который бы не мечтал о таком счастье. Даже те, кому скоро предстояло самим зарабатывать себе на хлеб, вопреки здравому смыслу надеялись на чудо. И самые некрасивые, самые озорные, самые непослушные не оставляли надежду обзавестись семьёй. Они тайно мечтали, что в один прекрасный день явится кто-то, кто захочет взять именно его или её. Не в малолетние работники или служанки, а как своё родное дитя. Мечтал об этом и девятилетний Расмус.

- Подумать только! - оживился он. - А вдруг они захотят взять меня? Ах, как я хочу, чтобы они выбрали меня!

- Тоже выдумал! - ответил Гуннар. - Они всегда выбирают кудрявых девчонок.

Гуннар был очень некрасивый и курносый, а волосы у него походили на козью шерсть. Но, несмотря на такую внешность, он тоже надеялся, что у него будут отец и мать, правда он держал это в глубокой тайне. Никто не должен был заметить, что его хоть мало-мальски интересует, кого завтра выберут.

Расмус лежал на узенькой кровати рядом с кроватью Гуннара в спальне мальчиков, когда вдруг вспомнил, что не успел рассказать другу про ракушку и

пятиэровую монетку. Свесившись с кровати, он прошептал:

- Послушай, Гуннар, со мной сегодня такое приключилось!

- Что такого особенного с тобой приключилось?

- Я нашёл пять эре и красивую-прекрасивую ракушку. Только никому об этом не говори!

- А ну покажи, - прошептал Гуннар с любопытством. - Пошли к окну, чтобы я мог разглядеть!

Они прокрались к окну, как были, в ночных рубашках. И Расмус осторожно, так, чтобы никто, кроме Гуннара, не увидел, показал ему в полумраке летнего вечера свои сокровища.

- Везёт же тебе! - сказал Гуннар и погладил гладкую ракушку указательным пальцем.

- Правда, здорово? Поэтому-то я думаю, может, всё же они меня завтра выберут.

- Как же, жди! - ответил Гуннар.

У самой двери лежал Петер-Верзила, он был старше всех мальчишек и потому считал себя вожаком. Он приподнялся на локте и напряжённо прислушался.

- Быстрее ложитесь! - сказал он шёпотом. - Ястребиха идёт... Я слышу, как она топает по лестнице.

Заплетаясь в длинных рубашках, Гуннар и Расмус помчались к своим постелям. И когда Ястребиха вошла, в спальне царила тишина.

Директриса совершала вечерний обход. Она ходила от одной кровати к другой и проверяла, всё ли в порядке. Случалось, правда очень редко, что она легонько похлопывала какого-нибудь мальчика разок-другой, неласково, словно сама того не желая. Расмус не любил Ястребиху и всё же каждый вечер надеялся, что она похлопает именно его. Он сам не знал почему, просто очень хотел, чтобы она похлопала именно его.

«Если она похлопает меня сегодня, – подумал он, – тогда и завтра тоже у меня будет волшебный день. Значит, те, что приедут, выберут меня, хотя у меня и прямые волосы».

Фрёкен Хёк подошла к его постели. Расмус замер. Сейчас... вот-вот... она дотронется до него.

– Расмус, не щипли одеяло! – сказала фрёкен Хёк строго и пошла дальше.

Минуту спустя она закрыла за собой дверь, спокойная, решительная и неумолимая. В спальне было тихо. Лишь глубокий вздох Расмуса нарушил эту тишину.

Глава вторая

Ох и много же мыла смыли мальчики на следующее утро! Если верить фрёкен Хёк, приёмным родителям больше всего на свете нравятся чисто вымытые уши и руки, значит, надо постараться изо всех сил.

Расмус положил в шайку большой комок мягкого мыла и усердно тёр себя, чего не делал с самого Рождества. Пусть он мальчик с прямыми волосами, но если всё зависит от чистых ушей, он намочит их так, что они будут самыми чистыми во всей Вестерхаге. И таких красных, начищенных рук, как у него, тоже ни у кого не будет. Правда, девчонки и в этом их обгоняют, они до противного чистюли. Будто грязь не пристаёт к ним так, как к мальчишкам. К тому же они всё время моют посуду, чистят, скребут да пекут, а от этого сам по себе будешь чистым.

Посреди комнаты стоял Петер-Верзила, он и не думал мыться – даже не притронулся ни к мылу, ни к щётке. Нынче осенью ему исполнится тринадцать и поневоле придётся покинуть Вестерхагу. Хочешь не хочешь, а он будет малолетним работником у кого-нибудь из крестьян, он это знал, и потому даже чисто вымытые уши в этом деле ему не помогут.

– Плевать я хотел на это мытьё! – громко сказал он.

На мгновение мальчишки замерли у шаек со щётками в руках. Петер-Верзила был у них за жожака, и раз он не желал мыться, так что же делать остальным?

- И я плевать хотел на это мытьё! - воскликнул Гуннар и положил щётку.

Он тоже знал, что ни вода, ни мыло не сотворят с ним чуда.

- Ты что, спятил? - спросил Расмус, вытирая мокрые волосы, падающие ему на глаза. - Ведь ты знаешь, кто сегодня приедет!

- А ты, верно, думаешь, приедет сам король Оскар! - ответил Гуннар. - Плевать мне на того, кто приедет. Будь это король собственной персоной или старьёвщик из Чисы, я мыться не собираюсь.

Тётушка Ольга, повариха, в отличие от фрёкен Хёк женщина разговорчивая, рассказала, что приедет торговец, не тот, что торгует старьём, а человек богатый и почтенный. Он приедет со своей женой. Детей у них нет, а значит, некому будет оставить своё наследство. Мол, поэтому они и решили приехать в Вестерхагу и взять ребёнка на воспитание.

«Надо же, - подумал Расмус, - кому-то достанется целый магазин, полный леденцов, постного сахара, лакричных конфет, да ещё, ясное дело, муки, мыла и селёдки!..»

- А я всё же помоюсь, - решительно сказал он и принялся тереть локти.

- Да, да. Давай мойся! - крикнул Гуннар. - Я тебе помогу!

Он схватил Расмуса сзади за шею и быстро окунул его головой в таз. Рассерженный Расмус вскочил отфыркиваясь. А Гуннар стоял и смеялся, его добродушное курносое лицо сияло от радости.

- Неужто ты разозлился? - подзадорил он Расмуса.